

ЛИРА ВЕТРОВА
АНАСТАСИЯ ШЕРР

КАВКАЗЕЦ. ПАДШАЯ ЖЕНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Шерр
Кавказец. Падшая жена

«Автор»

2026

Шерр А.

Кавказец. Падшая жена / А. Шерр — «Автор», 2026

Утром после свадьбы муж вытаскивает меня из дома в одном покрывале. Толкает на землю, швыряет белую простыню. Вчерашние гости смотрят, а я пытаюсь докричаться до него, заставить признаться, что он оболгал меня.— Я только с тобой была, и ты это знаешь! — кричу я, всё ещё пытаюсь схватиться за него, заставить сказать правду. Рамиль отцепляет мои пальцы от своей рубашки, и в меня откуда-то летит камень. Я бегу к маме. Отчим встречает ударом по лицу. Мама за закрытой дверью просит уйти. На мне покрывало из спальни мужа, мои вещи остались в доме мужа. Ещё ночью он обнимал меня. Я уснула у него на груди. Что случилось за те несколько часов, пока я спала?

© Шерр А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Дисклеймер	6
Аннотация	7
Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ли́ра Ветро́ва, Анастаси́я Шерр

Кавказец. Падшая жена

Глава

Кавказец. Падшая жена

Ли́ра Ветро́ва

Анастаси́я Шерр

Дисклеймер

Этот роман является художественным вымыслом. Авторы с уважением относятся ко всем народам, культурам и религиям. Поступки, убеждения и семейные порядки вымышленных героев не характеризуют какую-либо нацию, вероисповедание или жителей Кавказа в целом. Изображённые в книге жестокость, унижение и предрассудки не выражают позицию авторов. Все участники любовной линии совершеннолетние.

Аннотация

Утром после свадьбы муж вытаскивает меня из дома в одном покрывале. Толкает на землю, швыряет белую простыню. Вчерашние гости смотрят, а я пытаюсь докричаться до него, заставить признаться, что он оболгал меня.

— Я только с тобой была, и ты это знаешь! — кричу я, всё ещё пытаюсь схватиться за него, заставить сказать правду. Рамиль отцепляет мои пальцы от своей рубашки, и в меня откуда-то летит камень.

Я бегу к маме. Отчим встречает ударом по лицу. Мама за закрытой дверью просит уйти. На мне покрывало из его спальни, мои вещи остались в доме мужа.

Ещё ночью он обнимал меня. Я уснула у него на груди. Что случилось за те несколько часов, пока я спала?

Пролог

— Да пусти же! На мне ничего нет! — Я упёрлась в дверной косяк, а муж дёрнул меня так, что пальцы сорвались с дерева. Покрывало попало под ногу. Ещё шаг, и я бы свалилась с крыльца, но он удержал за руку, протащил по ступеням. Во дворе поднялся шум. Гости всё ещё гуляли нашу свадьбу. Я увидела женщину, с которой вчера фотографировалась, и рванулась обратно в дом.

Рамиль толкнул меня в спину. Я упала с дорожки на землю, вцепилась в покрывало, пытаюсь подоткнуть его под себя. Кто-то ахнул. Мужчина за столом поднялся со стаканом сока в руке и так и остался стоять. Мне хотелось объяснить им, что мы поссорились, что сейчас я встану и вернусь в спальню. Рамиль разозлился. Только разозлился! Я ещё умудрялась надеяться, когда он швырнул на меня белую простыню.

— Вот какую жену мне привели! — рыкнул он. Я стянула ткань с головы, а он стоял над мной и ждал, пока все рассмотрят. — Можете забрать её обратно! Мне грязная подстилка в доме не нужна!

Я смотрела на его брюки. У колена осталась светлая нитка от моего платья. Ещё вчера её заметила. Хотела снять, но мама подошла поздравлять, и я забыла. Теперь нитка была здесь, перед глазами. Я потянулась к ней и опомнилась, когда пальцы уже коснулись ткани. Он отдёрнул ногу. Кто-то приказал выключить музыку, и песня оборвалась на середине припева.

— Это ложь! — закричала я, вскакивая. Покрывало пришлось придерживать локтями, пока я трясла перед ними простынёй. — Он её поменял! Я в душ ушла, а он поменял! Рамиль, скажи им! Ты же знаешь, что у меня никого не было!

Муж даже не взглянул на меня. Я замахнулась простынёй, ударила его по груди, по лицу, едва не выронив покрывало. Он перехватил ткань и выдернул из моих рук. Я осталась перед ним, раздетая, босая, с землёй на коленях, а он отряхнул рубашку. Отряхнул после меня! Я вцепилась в его рукав, заставляя посмотреть. Пусть скажет, что случилось. Пусть хотя бы на меня посмотрит, когда врёт!

— Ты ведь сам... Ты меня вчера... Ты говорил... — Я захлебнулась словами. Слишком много людей. Женщина из нашего магазина, мамина знакомая, мужчина, который снимал нас на память. Все видели, как я цепляюсь за мужа, и я ещё сильнее притиснулась к нему, надеясь, что закроет собой. — Дай мне одеться. Пожалуйста. Я уйду, только дай одеться.

Он снял мою руку со своего рукава и толкнул к ограде. Я споткнулась о край дорожки, но удержалась на ногах. Женщина со стаканом воды сделала шаг ко мне, но мужчина за её спиной что-то сказал, и она остановилась. Я протянула к ней руку. Стакан дрожал, вода выплёскивалась ей на пальцы. Она смотрела на меня, а помочь всё-таки не решилась.

— Позор какой, — донеслось из-за стола. Я узнала голос соседки, которая вчера целовала меня в обе щёки. Повернулась к ней, торопливо заговорила, но она уже отводила глаза, тянула за собой другую женщину. — Мать-то как теперь людям в глаза посмотрит!

Меня ударило по ноге. Я вскрикнула, согнулась, не понимая, откуда боль, и увидела камень у ступни. Маленький, серый, с прилипшей землёй. На икре наливалось красное пятно. Я дотронулась до него и отдёрнула руку, стало ещё больнее. В толпе завозмущались, кто-то произнёс «падшая», и это слово подхватили за моей спиной. Я непроизвольно всхлипнула и подняла голову. Мужчина у клумбы выбирал другой камень.

Я позвала мужа. Даже после того, что он сделал, метнулась к нему, потому что ещё ночью он прижимал меня к себе, когда я боялась. Рамиль видел поднятый камень. Видел, как я бегу к нему, путаясь в покрывале. Я успела схватиться за его рубашку, а он отцепил мои пальцы и отступил. Камень полетел, когда я ещё смотрела ему в лицо.

Глава 1

Накануне

— Сними платье. Я сама с ним поговорю, — сказала мама и потянула меня от зеркала. До выхода оставалось несколько минут. Внизу сигналили машины, Исмаил уже дважды кричал, чтобы мы торопились, а она пыталась нащупать застёжку у меня на спине. Я перехватила её руки. На рукаве платья осталось влажное пятнышко, и я, дура, подумала о том, как теперь его высушить. Мама плакала, а я переживала за кружево.

— Ты с ума сошла? Он внизу ждёт! — Я вывернулась, прижалась спиной к шкафу. Мы обе отразились в зеркале. Я в свадебном платье и мама с перекошенным лицом, будто ей уже сообщили, что случилось несчастье. — Мам, я люблю его. Слышишь? Люблю! Почему ты не можешь порадоваться за меня?

Она отступила к кровати, села на мою дорожную сумку. Под ней хрустнул пакет с новыми чулками. Я сняла фату с крючка, но надеть сама не сумела, шпилька всё время выпадала. Позвала маму. Она подняла голову, и мне стало так стыдно, что я бросила фату, подошла, обняла её. Мне двадцать три, я выхожу замуж за любимого мужчину, а мы с мамой сидим на сумке и плачем. Она гладила меня по волосам, портила причёску, я позволяла. Она же мама. Ей страшно отпускать меня из дома.

— Мне страшно, Лейла, — прошептала она. Я потянулась за салфеткой, хотела вытереть ей щёки, но мама схватила меня за руку. — Ты ещё успеешь отказаться. Пусть ругаются, пусть что угодно говорят. Я выдержу. Только не уходи сегодня.

За дверью кашлянул Исмаил. Мама отпустила меня так резко, что я обернулась раньше, чем он вошёл. Отчим был в новом костюме, пах своим мерзким одеколоном и уже успел испачкать манжету. Я знала это пятно. Ещё утром подшивала ему рукав, когда он ел над моей головой бутерброд и велел не напортачить. Рамиль оплатил ему костюм, туфли и часы. По отдельности Исмаил мне их показывал, даже давал поддержать коробку, чтобы я оценила.

— Ты её зачем распустила? — спросил он у мамы, а я встала между ними. Отчим посмотрел на мои мокрые щёки и рассердился ещё сильнее. — Люди ждут. Человек приехал за женой. Зарема, вытри лицо и помоги дочери. Мало тебе было того, что мы тут жили как нищие? Пора это прекращать. А с таким зятем нас больше не назовут бедными.

Мама опустила голову. Я хотела ответить за неё, но в коридоре раздались шаги. Рамиль остановился в дверях, и Исмаил засуетился, полез обнимать его, заслонил меня собой. Вчера отчим велел передать жениху, что до выезда видеть невесту нельзя. Сейчас сам тащил в комнату. Я поймала мамину ладонь, сжала. Пусть посмотрит на него. Пусть увидит, как он смотрит на меня, и перестанет ждать беды.

Рамиль обошёл отчима, подошёл ко мне. Я встретила его с красным носом и фатой, которую успела схватить с кровати. Он забрал её, положил на сумку, провёл пальцем под моим глазом. На коже у него осталась тушь. Я отвернулась, досадуя, что испортила макияж перед самым выходом. Жених взял у меня салфетку, промокнул щёку. Исмаил что-то говорил за его спиной, оправдывался за наши с мамой слёзы, а Рамиль всё ещё вытирал мою щёку.

— Я всё размазала, да? — спросила я, не удержавшись. Он оглядел меня, задержался на растрёпанных волосах, и я уже собралась отнять салфетку. Мог бы хоть сделать вид, что ничего страшного. Но Рамиль обнял меня, притянул к себе. Исмаил замолчал, и я перестала пытаться отстраниться. — Не смейся. Мне два часа причёску делали.

— Поедешь со мной любая, — сказал он. Я уткнулась ему в плечо, поначалу бережно, чтобы не оставить след на пиджаке, а он прижал крепче. — Наденешь фату, никто и не заметит. Ты сама готова, Лейла?

Я кивнула у него на груди. Мама убрала с сумки фату, расправила её на руках. Исмаил начал торопить, и Рамиль попросил его выйти. Даже голоса не повысил, а отчим уже стоял в коридоре, уверял кого-то по телефону, что мы спускаемся. Рамиль коснулся губами моей щеки и ушёл ждать на крыльцо. Мама подошла ко мне с фатой. Я видела в зеркале, как она украдкой вытирает слёзы, и злилась. Хотелось хоть в день свадьбы обойтись без её страха.

Я познакомилась с Рамилем в ателье. Вынесла ему пакет с подшитыми брюками и обнаружила ошибку, когда он уже уехал. В его пакете лежали школьные брюки из другого заказа на мальчика лет десяти. Я перебрала оставшиеся заказы, посмотрела на номер в квитанции и полчаса собиралась позвонить. Богатый клиент из особняка, а я ему детские штаны отдала! Хозяйка уже сняла бы с меня деньги за заказ, если бы узнала. Я заперлась в подсобке, набрала номер и так быстро заговорила, что он попросил повторить.

— То есть в этих я на встречу не пойду? — спросил Рамиль. Я сидела на коробке, закрыв лицо ладонью, а он, кажется, рассматривал брюки. Послышался шорох пакета, и я выпалила, что сама всё привезу. — Далеко собралась? Выйди, я у входа. И мои захвати, если ещё кому-нибудь не отдала.

Я принесла заказ, стала извиняться. Он стоял у открытой машины, сунув в карман телефон, и слушал с таким вниманием, что я сбилась. На улице жарило, к моему платью прилипла нитка. Я всё пыталась её стряхнуть, пока Рамиль не забрал пакет. Я ждала, что он потребует деньги за испорченный день. Вместо этого поинтересовался, когда я обедаю. Я ответила, что уже поела, хотя со вчерашнего вечера во рту не было ничего, кроме чая.

Через час нам привезли еду. Хозяйка ругалась, что мы заляпаем ткань, но сама выбирала из коробки самый румяный кусок пирога. Я узнала, кто оплатил доставку, от водителя. Он протянул мне чек и подмигнул, а я так разозлилась на эту его улыбку, что отказалась брать свою порцию. Вернулась к машинке, села, упёрлась лбом в ладони. Теперь в ателье все будут думать, что я за богачом охочусь. Что позвонила ему из-за брюк нарочно.

Рамилю я написала вечером. Долго подбирала слова, стирала слишком грубые, отправила что-то сухое про то, что мне не нужна благотворительность. Телефон зазвонил, когда я уже подходила к дому. Я спряталась за соседским навесом, ответила и приготовилась спорить. Рамиль спросил, вкусный ли был пирог. Я призналась, что не пробовала. Он помолчал, а я со злости добавила, что у нас вообще-то есть обеденный перерыв и я могу сама купить себе поесть.

— Хорошо, — согласился он. Я вышла из-под навеса, готовая попрощаться, но он продолжил. — Завтра в обед приеду. Выберешь, где тебя кормить, чтобы не ругалась. Я тоже с работы без обеда уезжаю. Заодно спасёшь меня от голодной смерти.

Я рассмеялась, хотя старалась держаться серьёзно. Дома ещё долго ходила с телефоном в руке, прислушивалась к каждому звуку. Исмаил заметил, потребовал показать переписку. Я соврала, что общаюсь с заказчицей, спрятала телефон в карман. Он недовольно фыркнул, велел ставить ужин. Ужин остыл, пока я выбирала одежду на следующий день. Из всех моих вещей прилично сидела только юбка, которую я сама себе сшила, и я гладила её дважды, боялась оставить залом.

На обед я с ним уехала. Вернулась красная, с пирожным, которое он заставил взять для мамы, и ещё час не могла заправить нитку в иголку. Он не пытался обнять меня в машине, не задавал пошлых вопросов, от которых я заранее приготовилась отбиваться. Зато помнил, в какой день у меня пересменка, и приехал к концу рабочего дня. На соседнем сиденье лежало ещё одно пирожное. Я увидела и рассмеялась. Первое мы с мамой делили пополам, когда Исмаил лёг спать.

За два месяца я успела привыкнуть к его машине под окном. В дни, когда Рамиль задерживался, портила строчки, огрызалась на девочек и проверяла телефон. Однажды дождалась его после закрытия, даже хозяйке наврала, что надо закончить заказ. Просидела лишний час,

заработала вместо свидания новую мозоль на пальце и решила, что пошлю его подальше. А когда приехал, вылетела навстречу без сумки. Он заметил, засмеялся, и я ударила его кулаком в плечо. За то, что заставил ждать, за собственный обман, за то, что всё равно так обрадовалась.

Рамилю было тридцать четыре. Он недавно вернулся в город и открыл фамильный особняк на верхней улице. Там меняли окна, привозили деревья, разбирали старую ограду. Исмаил обо всём этом знал раньше меня. Рассказывал за ужином, какие машины въезжают во двор, сколько охранников наняли, с кем Хасанов здоровается на рынке. Я старалась не слушать, чтобы мама ничего не заподозрила. Не получалось. Стоило отчиму произнести фамилию, как я замирала с ложкой в руке.

За несколько дней до сватовства мы с мамой возвращались из магазина. На верхней улице пришлось остановиться, пропуская две машины. Они свернули к особняку, охранник открыл ворота. Рамиль вышел из первой машины, пока вторая ещё въезжала во двор. Я узнала его, хотела помахать, но мама вдруг схватила меня за запястье. Пакет в другой её руке наклонился, яблоки покатались по асфальту. Она даже не нагнулась.

— Вернулся, — прошептала мама. Я едва разобрала слово и повернулась к ней. Она смотрела на Рамиля, побелевшая, растерянная, будто увидела его там, где быть его никак не могло. Я наклонилась за яблоками, а мама потянула меня за собой так резко, что ручка пакета порвалась.

— Мам, ты его знаешь? — спросила я, подбирая последнее яблоко. Она отобрала у меня пакет, прижала к груди. Я выпрямилась, попыталась разглядеть её лицо. — Рамиль? Ты почему мне не говорила?

— Их семья давно здесь жила, — ответила мама. Перехватила пакет снизу, обошла меня и пошла быстрее. Я догнала, стала рассказывать про ателье, про перепутанные брюки. Мама слушала, всё крепче прижимая к себе покупки. Дома я хотела продолжить, но она ушла в ванную. Вечером так и не вышла пить чай. Я решила, что опять поссорилась с Исмаилом, и оставила её в покое.

Когда Рамиль пришёл просить моей руки, Исмаил даже не позвал меня к столу. Я в тот день задержалась в ателье и застала дома пустые коробки из кондитерской. Мама сидела у окна, а отчим пересчитывал деньги. Увидел меня, сгреб купюры, сунул в ящик. Я сняла туфли и осталась стоять с ними в руках, потому что он объявил о свадьбе так, как сообщал, что в воскресенье придут гости. В конце месяца. Всё уже решено.

— Кем решено? — спросила я. Исмаил удивлённо посмотрел на меня. Я швырнула туфли под вешалку, одну так сильно, что ударилась о стену, и мама поднялась. — Меня спросить не надо? Вы деньги за что берёте? Он тебе за что платит?!

Отчим вышел из-за стола. Я успела отскочить, когда он замахнулся, и мама вклинилась между нами. В грудь ей пришёлся его локоть, она согнулась. Я схватила её, потащила к себе, а Исмаил кричал про неблагодарность. Столько лет кормил падчерицу, дождался наконец счастья, а она тявкает. Я выкрикнула, что кормлю себя сама. Последний год мои деньги уходили на продукты и его сигареты. После этого мама зажала мне рот ладонью и вытолкнула в коридор.

В комнате я закрылась на ключ. Позвонила Рамилю, со второй попытки попав по его имени в списке вызовов. Он ответил, и я принялась кричать, что меня не покупают, что никакая я ему не вещь. Голос срывался, я говорила всё громче. Мама стучала, просила впустить, а я сидела на полу и держала дверь ногами, хотя замок был закрыт. Больше всего бесило, что мне хотелось его приезда. Хотелось, чтобы поднялся сюда и забрал меня, пока я объясняю ему, что никуда с ним не поеду.

Рамиль приехал через двадцать минут. Я спустилась сама, прошла мимо Исмаила, который уже стоял у калитки, и забралась в машину. Жених сидел за рулём. Я отказалась смотреть на него, но, когда он положил руку мне на затылок, разревелась ещё сильнее. Уткнулась в его

плечо, намочила рубашку, ударила по груди. Он позволил. Даже не отодвинулся, пока я выговаривала всё, что думала о нём и об отчине.

— Не давай ему больше денег, — выговорила я, всхлипывая. Рамиль протянул салфетки, но я оттолкнула его руку. Хотела, чтобы ответил, чтобы согласился со мной, а он поднёс салфетку к моей щеке и стал вытирать слёзы. — Ты меня слышишь? Я не хочу, чтобы он на тебе зарабатывал. Ты мне нравишься. Сам по себе. Даже если бы у тебя...

— Машина была похуже? — подсказал он. Я засмеялась сквозь слёзы, ударила его по руке. Рамиль удержал мою ладонь, перевернул, увидел след от ножниц на пальце. Я резала слишком толстую ткань, натёрла. Он провёл по красной полоске, поднёс к губам. — Я попросил у него разрешения жениться на тебе. И мы поженимся. А подарки мне оставь. Сам решу.

Меня это рассердило. Он выслушал мои крики, но деньги забирать не собирался. Я потребовала обещания, что Исмаил больше ничего от него не получит. Рамиль убрал мою руку со своих губ, положил на колено и велел не торговаться с ним. Я уже открыла дверь. Отчим наблюдал с крыльца, в свете лампы было видно, как торопливо он убрал сигарету. Я снова захлопнула дверь, оставшись в салоне. Рамиль всё ещё держал мою руку, и я разозлилась, что у него хватает наглости так себя вести.

— А если я скажу нет? — спросила я. Он повернул ко мне лицо. Я хотела услышать, что он уедет и оставит меня в покое, но от самой возможности, что так и будет, стало горько. Пришлось спрятать это за злостью. — Ты ведь у Исмаила разрешение спрашивал? У него. А жить с тобой мне.

— Тогда скажешь мне, — ответил Рамиль. Я ждала продолжения. Он подождал тоже, провёл большим пальцем по моему дешёвому кольцу, которое я купила себе с первой зарплаты. — Сейчас скажи. Хочешь, чтобы я уехал?

Его ладонь всё ещё лежала на моей. Рамиль перестал улыбаться, ждал ответа, и я наконец поняла, что он может уехать. Перестанет приезжать за мной, звонить, спрашивать, дошла ли до дома. Я сама этого добьюсь, потому что Исмаил взял у него деньги, а я на него разозлилась. Я потянула его к себе, обняла за шею, уткнулась в плечо. Сказать, чтобы уезжал, не смогла.

Он поцеловал меня у дома. Я сама прижалась к нему, потянувшись, забыв, что Исмаил может подойти к машине. Рамиль обнял так крепко, что я перестала прятать лицо, подняла голову. Когда отстранилась, он всё ещё смотрел на меня, и я спросила, точно ли хочет жениться. На мне, с моим отчимом, с мамой, которая будет звонить каждый вечер. Рамиль ответил, что с Исмаилом жить не собирается. Я рассмеялась, позволила ему вытереть последнюю слезу и вышла из машины, уже зная, какое платье хочу.

В день свадьбы я дрожала так, что испортила подпись. Получилась длинная кривая черта, совсем не такая, какую я выводила дома на бумаге. Рамиль накрыл мою ладонь своей. Фотограф велел повернуться, и я послушно подняла лицо, хотя хотелось смотреть только на кольцо. Теперь я Хасанова. Когда мы вышли на ступени, он подхватил меня на руки. Я вскрикнула, вцепилась в его шею, внизу засмеялись. Платье зацепилось за его брюки, и я успела заметить белую нитку у колена. Снять не дала мама, подошла поздравлять, обняла нас обоих, но поцеловала только меня.

К вечеру ноги болели так, что я уже боялась встать из-за стола. Мы сидели под навесом в саду Рамиля. На ступенях его дома фотографировались дети, у фонтана спорили музыканты, официанты уносили блюда, которых я даже не попробовала. Исмаил показывал кому-то ключи от новой машины. Рамиль подарил её утром, и отчим весь день уводил гостей посмотреть. Я отворачивалась каждый раз, когда он произносил «мой зять». За несколько недель я так и не заставила мужа отказаться от этого подарка. Получалось, что всё моё возмущение закончилось согласием выйти замуж и красивым платьем.

— Ешь, — сказал Рамиль, придвигая мою тарелку. Я ткнула вилкой в мясо, не поднимая головы, и он наклонился, чтобы видеть моё лицо. — Со мной тебе не придётся голодать, —

добавил он, улыбаясь. Я потянулась к тарелке, а он уже забрал у меня вилку. Попросила отдать, попыталась рассердиться, но он наклонился ко мне, поднося кусочек мяса.

Я засмеялась, а он воспользовался, положил мне кусочек в рот. При гостях! Я схватила его за запястье, укусила вилку и едва не поперхнулась. За нашим столом захлопали, Рамиль довольно улыбнулся, а я пихнула его в бок. Но тарелку к себе подтянула. Он дождался, пока я начну есть, и только тогда повернулся к мужчине, который пытался с ним поговорить. Я сидела рядом, смотрела на профиль мужа и ловила себя на том, что ищу повод дотронуться. Смахнуть с рукава нитку, поправить манжету, хотя с ней всё было хорошо.

Он заметил, взял меня за руку под столом. Я перестала есть. Рамиль держал мои пальцы у себя на колене, отвечал гостю, даже не смотрел на меня, а мне уже хотелось выгнать всех из его сада. Маму, отчима, музыкантов. Всех! Побывать с ним хоть десять минут без человека, который стоит над головой и требует улыбнуться. Я наклонилась к мужу и предложила сбежать. Сказала так тихо, что пришлось повторить, и со второго раза покраснела ещё сильнее.

— Сейчас? — спросил он мне на ухо. Я кивнула, разглядывая пустую тарелку. Рамиль сжал мою ладонь и поднялся. Я убрала руку на стол, уже решив, что он собрался объявить всем. Но муж взял со стола мой букет, подал мне руку и увёл к боковой дорожке. — Только туфлю не потеряй. Ты её полвечера снимаешь.

Я оглянулась на столы. Исмаил танцевал, мама помогала пожилой гостье надеть кардиган. Никто нас не окликнул. Мы прошли между цветочными стойками, и я так торопилась, что наступила на подол. Рамиль остановился, помог высвободить ткань. Я со смехом призналась, что ноги уже ничего не чувствуют. Он хотел поднять меня, но я отскочила, прижала к себе юбку, зашептала, что там могут увидеть. В доме сама обвила его шею руками, попросила донести. Рамиль поднял меня, а я забрала у него букет, чтобы не мешал, и оставила на подоконнике, когда проходили лестничную площадку.

В спальне горели лампы. Дверь за нами закрылась, и я перестала смеяться. На покрывале лежали розовые лепестки, у шкафа стояла моя дорожная сумка. На кресле лежала ночная рубашка. Хадижат, которая весь день помогала мне с платьем, обещала разобрать вещи до нашего прихода. Я посмотрела на рубашку и пожалела, что купила такую тонкую. В магазине казалась красивой, подходящей для первой ночи с мужем. Здесь захотелось спрятать её под сумкой, пока он не заметил.

Рамиль поставил меня на пол. Я всё ещё обнимала его за шею, хотя он уже разжал руки. Он поцеловал меня, и я приоткрыла глаза. Такой близкий, знакомый. Муж. Какое странное слово, я ещё ни разу не назвала его так вслух. Провела пальцем по его щеке, хотела сказать, что люблю, и засмеялась от волнения. Получилось ужасно. Рамиль тоже усмехнулся, а я разозлилась, полезла снимать фату и запуталась в шпильках.

— Стой, я помогу, — сказал он, перехватывая мою руку. Развернул меня к зеркалу, вынул шпильку, ещё одну. Я следила за ним в отражении и думала о том, что через час он будет знать меня так, как никто другой. Щёки горели. Рамиль снял фату, повесил на кресло и коснулся губами моего виска. — Ты чего такая серьёзная? Сама сбежать просила.

— Я тебя люблю, — выпалила я вместо ответа. Он остановился, а я повернулась, чтобы не видеть своё отражение в зеркале. Сказала и хочу забрать слова обратно, хотя только этого весь день ждала. Я взяла его за расстёгнутый край рубашки, притянула. — Вот. Сказала. Теперь можешь смеяться.

Он обнял меня. Я ждала, что скажет то же самое, но Рамиль поцеловал, и я позволила отвлечь себя. Прижалась, сунула пальцы ему в волосы. Говорить стало легче, стоило спрятать лицо у него на плече. Призналась, что боюсь, что ни с кем раньше не была, что утром едва не отказалась от свадьбы. Муж отстранился на последних словах. Я поспешно ухватила его руку, объяснила про мамины слёзы. Он помолчал, убрал волосы с моего лица и спросил, хочу ли я уйти теперь.

— Нет! — ответила я слишком громко и сама засмеялась. Рамиль посмотрел на дверь, а я прижала ладонь к его щеке, заставила вновь повернуться ко мне. — Даже не думай. Я столько ждала, пока мы останемся одни. Только... пожалуйста, побудь со мной. Я знаю, что глупость говорю. Ты ведь и так здесь.

Я потянулась к застёжке платья. Руки не слушались, пуговицы были мелкие, и через несколько попыток я сдалась, повернулась к нему спиной. Рамиль помог мне раздеться, поднял платье, когда оно соскользнуло на пол. Я схватила с кресла свою рубашку, надела, а он оставил платье на стуле. Увидел, что я всё ещё мну в руках подол, и протянул ладонь. Я вложила свою, придвинулась, положила голову ему на грудь. Здесь было легче. Пока я прижималась к нему, можно было перестать думать о том, как выгляжу.

Мы легли, и я попросила оставить свет. Хотела видеть его, когда признаюсь, что всё-таки страшно. Рамиль услышал меня, убрал руку от лампы. Я обняла его, поцеловала первой, на этот раз дольше, позволяя себе забыть о том, какой должна быть приличная невеста. Когда мы стали близки, я уже не пыталась угадать, что ему понравится. Говорила, если нужно было подождать, хваталась за его руку, когда хотелось, чтобы обнял. Рамиль останавливался, когда я просила, ждал, пока я сама потянусь к нему. Я верила ему настолько, что даже расплакалась без попытки отвернуться и спрятать слёзы.

После я никак не могла перестать улыбаться. Смотрела на него, хохотала, когда он спрашивал, что случилось, и отказывалась объяснять. Рамиль подал воды. Я пила, держа его за запястье, хотя стакан могла удержать сама. Мне хотелось признаться ещё раз, но я побоялась надоесть со своей любовью и спросила, можно ли завтра не выходить к гостям. Он велел договориться с Исмаилом. Я возмутилась, попыталась ударить подушкой, а муж поймал, забрал у меня и подтянул к себе. Я опять оказалась у него на груди, подушка мешала под боком, но я даже поправить её не хотела. Обняла мужа, прислушалась к голосам за окном. Удивительно было думать, что завтра я проснусь здесь, смогу распахнуть шкаф, достать свои вещи, а вечером опять лечь рядом с ним. Теперь это мой дом.

Собираясь в душ, я заметила на простыне следы крови. Застыла, натянула на себя край покрывала. Рамиль поднялся, протянул полотенце, и мне пришлось на него посмотреть. Подал руку, помог встать. Я завернулась в полотенце и ушла в ванную, стараясь ни обо что не споткнуться. Уже под водой вспомнила, что не захватила рубашку. Позвать постеснялась. Так и простояла лишние несколько минут, решая, как теперь выйти, будто мы не были только что вместе.

Когда я вернулась из душа, простыня была поменена. Красных следов больше не осталось. Чистая ткань лежала ровно, даже складки от глажки были видны. Я остановилась у кровати, посмотрела на Рамиля. Он убрал лепестки, поднял с пола покрывало и ждал, когда я лягу. Я поблагодарила, забралась к нему, бросив полотенце на спинку кресла. Мне казалось ужасно трогательным, что он сам перестелил кровать. Я поцеловала его в плечо, обняла и спросила, всегда ли он такой заботливый.

— Ложись уже, — ответил Рамиль, укладывая меня к себе на грудь. Я упёрлась подбородком, хотела получить ответ, но он закрыл мне глаза ладонью, и я укусила его палец. Муж засмеялся, прижал к себе. — Завтра опять с утра гости. Хоть немного поспишь.

Я уснула, слушая, как он говорит по телефону. Слов не разбирала, слышала только голос, низкий, сонный. До этого несколько раз порывалась позвонить маме, сказать, что всё хорошо. Даже привстала, хотела дотянуться до сумочки, но Рамиль удержал меня, попросил остаться. Я осталась. Мама наверняка спит, решила я, глупо будить её посреди ночи. Утром позвоню.

Проснулась я от смеха во дворе. Солнце пробивалось между шторами, мне было тепло, и несколько мгновений я улыбалась, лежа с закрытыми глазами у мужа на груди. Нашла его руку, подвинула себе на плечо. Хотелось ещё полежать, подождать, пока он проснётся, рассердить

какой-нибудь глупостью и дожидаться, чтобы обнял крепче. Рамиль выдернул ладонь. Я подняла голову, сонно улыбнулась, а он смотрел на меня уже совсем иначе.

— Вставай. Тебе пора уходить, — сказал он. Я потянулась к его щеке, решила, что не выспался, что сердится из-за гостей. Рамиль оттолкнул меня, и я ударилась локтем о край кровати. Он поднялся, взял со стула брюки. Я села, растирая руку, всё ещё пытаюсь сообразить, где успела провиниться.

— Ты чего? — спросила я. Он застёгивал рубашку, не отвечал. Я придвинулась к краю кровати, протянула к нему руку, и покрывало ударило мне в лицо. На мгновение стало темно. Я стянула ткань, прижала к себе, только сейчас заметив, что сижу перед ним обнажённая. Муж подошёл к двери, повернул ключ. Я вскочила следом, замоталась в покрывало, едва не упав. — Рамиль! Да что случилось?!

Он обернулся на мой крик. Я ждала, что теперь объяснит, хотя бы скажет, чем я его так разозлила. Но Рамиль открыл дверь шире и взял меня за плечо. Вывел бы в коридор, если бы я не ухватила за косяк. Внизу смеялись, кто-то велел наливать ещё. Муж услышал, посмотрел на лестницу, и я потянула дверь на себя, испугавшись, что нас увидят.

— Исмаил! Поднимись! — позвал он, удерживая дверь открытой. Я шептала, чтобы прекратил, пыталась спрятаться. Рамиль отодвинул меня локтем и крикнул ещё громче, чтобы услышал отчим. — Забирай свою дочь, Исмаил! Она мне больше не нужна!

Глава 2

Я закрыла ему рот ладонью. Сделала это раньше, чем поняла, что сейчас ударит. Рамиль перехватил мою руку, отдёргнул, а я успела выкрикнуть только «не надо». Внизу отозвался Исмаил. Я потянулась к дверной ручке, муж оттеснил меня в спальню. Из-за его плеча ещё был виден коридор, светлая дорожка, тень человека на лестнице. Через несколько мгновений сюда войдут, а я стою голая под покрывалом. У меня от страха зачесалось лицо. Я тёрла щёку, забыв, что держу ткань, и спохватилась, когда она сползла.

— Дай одеться, — попросила я. Рамиль прошёл к кровати, стянул простыню. Я побежала к креслу, схватила ночную рубашку, но он вырвал её из моих рук и швырнул на пол. Я посмотрела на мужа, никак не могла поверить, что он это сделал. — Ты зачем? Я же ничего... Рамиль, что я тебе сделала?

Он расправил чистую простыню. Я узнала её, видела ночью, когда вышла из душа. На ткани остались складки после сна, край с моей стороны был смят. Мы на ней спали! Я проснулась на этой простыне, у него на груди, каких-то несколько минут назад! Я потянулась к Рамилю, хотела обнять, заставить заговорить со мной. Он отстранил меня, даже не дав прикоснуться к рубашке.

— Кому ты до свадьбы досталась? — спросил он. Я отступила. Покрывало зацепилось за кресло, пришлось дёрнуть, а Рамиль смотрел и ждал ответа. — Ну? Вчера так старательно из себя невинную изображала. Подготовилась?

Я замотала головой. Хотелось ударить его, закрыть ему рот, заставить замолчать, пока никто не услышал. Он мог злиться, мог пожалеть, что женился, мог велеть уехать. Но это! Я же сама призналась ему, что боюсь. Он держал меня, слышал каждое слово. Я шагнула к нему, ткнула пальцем в простыню, собираясь объяснить, как будто он сам не знал, откуда она взялась.

— Это другая! — выпалила я. Схватила ткань, потянула к себе, чтобы он на неё посмотрел. — Ты снял ту, на которой мы были! Пока я мылась! Там была кровь, ты сам видел! Рамиль, ты ведь видел!

Я уже плакала, а он стоял и позволял мне пересказывать ему нашу ночь. Тогда я бросилась к шкафу. Под нижней полкой была корзина для белья, наверняка он убрал всё туда. Я успела приподнять полотенце, под ним показалась белая ткань. Пальцы потянулись к ней, но муж схватил меня за плечо, оторвал от корзины. Я вскрикнула, завалилась на бок, ударилась о кровать. Он задвинул корзину ногой и прикрыл створку. Я больше не пыталась объяснить ему, что он ошибся. Всё он знал. Мне в лицо врал и ещё ждал, что я буду оправдываться.

— Достань! — Я ударила его по руке. Хотела оттолкнуть, открыть шкаф, вывалить всё на пол. Рамиль держал меня, а я изо всех сил пнула дверцу, до боли в пальцах ноги. — Достань её, подлец! Ты же сам меня... Сам!

В спальню вошёл Исмаил. Мама показалась за его спиной, и я бросилась к ней так, что Рамиль едва удержал. Позвала, протянула руки. Покрывало потянулось вниз, я схватила его, прижала к груди. Мама побелела. Пыталась обойти мужа, но Исмаил уже спрашивал Рамиля, в чём дело. На меня даже не повернулся. Я звала его, а он заглядывал Рамилю в лицо, ловил каждое слово.

— Мам, он меня выгоняет! — Я протиснулась между мужчинами, ухватила её за рукав. Она начала стягивать с плеч кардиган, но Исмаил велел ей подождать. Мама остановилась, и я потянула сильнее. — Ты слышишь? Он врёт! Он говорит, что я... Мам, я тебе сейчас всё расскажу. Только ты послушай меня. Меня!

Рамиль поднял простыню. Исмаил взялся за край, оглядел её, глянул на меня. Я шагнула к нему, попыталась вырвать ткань, объяснить, но отчим отдёргнул руку. В коридоре уже стояли люди. Я узнала двоих вчерашних гостей, женщину, которая помогала расставлять подарки. Она

заглянула через плечо мужчины, увидела меня и прижала ладонь ко рту. Я крикнула, чтобы закрыли дверь. Никто даже не пошевелился.

— Утром решил посмотреть, на ком женился? — выкрикнула я мужу. Мама схватила меня за локоть, зашептала, чтобы вела себя тише. Я вырвалась. — Ты ночью мне слова не сказал! Обнимал меня! А теперь при людях... Мам, да отпусти ты! Пусть он им ответит!

— Забирайте свою гулящую, — негромко, но зло сказал Рамиль. Он передал простыню Исмаилу, и мне пришлось смотреть, как отчим складывает её, рассматривает, ищет то, чего на ней никогда не было. Муж дёрнул за штору, впустил в комнату солнце. — Получше посмотри. Чтобы на меня не грешил, что зря дочь обидел.

Я подбежала к креслу, вытащила телефон из сумочки. Даже не знала, кому собираюсь звонить, хотела, чтобы хоть кто-нибудь услышал меня, прежде чем здесь решат всё за меня. Рамиль схватил телефон. Ятянула его к себе, но покрывало сползло, и мне пришлось отпустить. Я закричала от бессилия так, что мама вздрогнула. Муж убрал телефон на верхнюю полку шкафа, куда я бы не дотянулась.

Я схватила фату и от злости швырнула в него. Она опустилась ему на плечо. Рамиль снял её, положил на кресло. Я ждала, что рассердится, заорёт, хотя бы перестанет говорить так спокойно. Он поднял с пола мою ночную рубашку, бросил на фату и повернулся к Исмаилу. Я ткнулась лбом в мамину грудь. Ноги уже не держали, приходилось висеть на ней, чтобы не съехать на пол. Мама обняла меня. Я всхлипнула ей в шею, жадно вцепилась в кардиган. Она верит. Сейчас она всем скажет, какая я. Моя мама знает меня!

— Почему ты мне не сказала, Лейла? — прошептала она, глядя меня по голове. Я подняла лицо, а мама прижала к себе крепче, будто жалела ребёнка, который натворил бед. — Мы бы что-нибудь придумали. Я бы поговорила с ним до свадьбы. Зачем ты так с нами?

Я отодвинулась. Мама не отпускала, я оттолкнула её руки, встала перед ней. Она плакала и жалела меня за то, чего я не делала. Я попыталась сказать это спокойно, как объясняла ей, почему не садится новое платье и где надо распустить шов. Рамиль был первым. Других мужчин у меня не было. Я вышла из душа, увидела чистую постель. Она слушала, кивала, вытирала слёзы и всё равно не верила. Мне захотелось удариться головой о стену, только бы прекратить объяснять одно и то же.

— Я тебе клянусь, — сказала я. Взяла маму за руки, притянула к себе, заставляя поднять глаза. — Мамочка, я тебе клянусь. Всем, чем хочешь. Собой. Тобой. Он первый! Пойдём к врачу. Сейчас пойдём! Я всё сделаю, только скажи, что веришь мне!

— Хватит срамиться! — рявкнул Исмаил. Я дёрнулась на его голос, и он вытащил мамины пальцы из моих рук. Отодвинул её за спину, заговорил с Рамилем, почти заискивая. — Мы её такому не учили. Она из дома на работу, с работы домой. Я следил. Я и подумать не мог...

Я засмеялась. Коротко, зло, сама испугалась этого звука. Он следил. Зарплату мою пересчитывал, даже на сигареты себе брал из моего кармана. А теперь рассказывал мужу, как меня берегли, и смотрел, не сердится ли богатый зять на него. Я бросилась к Рамилю, ударила по груди обеими руками. На рубашке оторвалась пуговица. Он отступил на полшага, а я крикнула ему в лицо, что ненавижу. Ещё этой ночью признавалась в любви и думала, что проживу с ним всю жизнь.

— Скажи им правду! — Я снова ударила, уже по щеке. В коридоре ахнули. Рамиль поймал мою руку, вывернул, заставил согнуться. Покрывало съехало с плеча, и я застыла, удерживая его другой ладонью. — Ты меня слышишь? Скажи! Я ведь тебе ничего плохого не сделала!

Он отпустил меня, когда я уже встала на колени. Я поднялась, подбирая покрывало, и посмотрела на маму. Она видела, что он делал. Видела, как вывернул руку, как я села перед ним, лишь бы перестал. Я ждала, что она бросится между нами, как в тот вечер, когда отчим объявил о свадьбе. Мама стояла за Исмаилом, прижимала ладонь ко рту. Я сама подошла к

ней, взяла за край кардигана, как делала в детстве, и попросила забрать меня. Уже ничего не пыталась доказать. Пусть будет как они думают, только бы выйти из этой комнаты одетой и с мамой.

— Я с вами поеду, — сказала я. Исмаил отвернулся, но я вцепилась в маму. Она поправила на мне покрывало, заправила край под руку, чтобы не сползло, и я чуть не разрыдалась от благодарности за эту малость. — Мам, возьми мои вещи? Они в сумке. Можешь даже платье оставить. Хочешь, я работать буду ещё больше. Я вам всё отдам. Только забери меня! — Я трясла её за рукав, сама не замечая, как дёргаю. Мама просила тише, а я уже кричала, требовала, чтобы хоть она ответила мне.

— Никуда ты с нами не поедешь, — отрезал Исмаил. Он бросил простыню на кровать и достал ключи от подаренной машины. Я смотрела на брелок, ждала, когда уберёт. Отчим открыл дверь спальни шире и взял маму под локоть. — В моём доме такого позора не будет! Сама во всём виновата! Падшая девка!

Я ещё держалась за мамин кардиган. Она просила отпустить, повторяла, что Исмаил сердится, что надо подождать, дать ему успокоиться. Я кивала и держала. Она гладила мои пальцы, пыталась разжать. Я не отпускала, и она выдернула кардиган из моей руки. Я успела ухватить рукав, и мама обернулась, поцеловала меня, торопливо, в мокрую щеку. Я наклонилась к ней, хотела ещё раз обнять, а она уже уходила за отчимом.

— Мам! — закричала я, выбегая в коридор. Муж схватил меня, вернул в спальню. Мама оглянулась с лестницы, и я подалась к ней, протягивая обе руки. — Да подожди ты! Я же твоя дочь! Мамочка, не оставляй меня с ним!

Она ускорила шаг. Я перестала кричать, стояла и слушала, как мама спускается, как Исмаил велит ей не оборачиваться. Из комнаты вышли гости. Один из мужчин придержал перед мамой дверь внизу. Всё происходило так буднично, что я всерьёз подумала, не уснула ли. Сейчас проснусь на груди у мужа, расскажу ему, он обнимет меня и скажет, что мама так со мной никогда не поступит. Рамиль убрал руку с моего плеча. Я повернулась к нему, машинально потянулась, и только когда он оттолкнул, поняла, что делаю.

Моя сумка стояла открытой у шкафа. Я видела край своих джинсов, серую футболку, косметичку с отломанной застёжкой. Всё моё. Можно протянуть руку, взять. Я даже успела схватить футболку, прежде чем Рамиль удержал меня. Он потащил к двери, ткань выскользнула из пальцев. Я завизжала, упёрлась, попыталась укусить его за руку. Он дёрнул сильнее, подхватил с кровати белую простыню и вывел меня в коридор. Одежда осталась на полу.

На лестнице я села. Прижала колени к груди, обхватила столбик перил, решила, что теперь он меня не сдвинет. Рамиль поднял за руку. Я закричала от боли, пришлось встать, чтобы не вывернул плечо. Внизу нас встретила служанка Хадижат. Кинулась к вешалке, сняла халат, протянула мне. Я дёрнулась к ней, но муж загородил дорогу. Хадижат заговорила, торопливо, сбиваясь, почти на ходу накинула халат мне на плечи.

— Господин, ей одеться надо, — попросила она. Рамиль стащил халат, вернул ей. Я ухватилась за рукав. Хадижат попыталась обернуть халат вокруг меня, но Рамиль перехватил ткань между нами. Муж снял мои пальцы с ткани. — Она же девушка! Люди смотрят! Отпусти, я её провожу!

Он велел ей отойти. Я ещё видела халат в её руках, когда дверь распахнулась и снаружи ударила музыка. Во дворе гуляли нашу свадьбу. Я упёрлась в косяк, закричала, что на мне ничего нет. Рамиль протащил меня по ступеням и толкнул на землю. Люди встали из-за столов. Белая простыня упала мне на голову, а муж заговорил громко и зло, чтобы слышно было даже за дальними столами.

— Вот какую жену мне привели! — прорычал Рамиль. Я стянула простыню с головы, сжала в кулаке, всё ещё надеясь, что он опомнится. За столами замолкали люди, кто-то вставал, чтобы лучше видеть. — Можете забрать её обратно! Мне грязная подстилка в доме не нужна!

На его брюках у колена осталась светлая нитка. Потянулась снять, поймала себя на этом и сжала пальцы. Он отдернул ногу, хотя я едва успела коснуться ткани. Музыка выключили. Теперь было слышно, как я пытаюсь втянуть воздух, прежде чем заговорить, и как женщина за столом просит кого-то отойти, не загоразивать ей.

— Это ложь! — закричала я, поднимаясь. Покрывало сползало, пришлось прижимать локтями, пока я трясла перед гостями простынёй. — Он её поменял! Я в душ ушла, а он поменял! Скажите ему! Вы же слышите, что я говорю!

Я ударила его простынёй по груди, по лицу. Рамиль выдернул ткань и отряхнул рубашку. Я смотрела на его руку, на то, как он стряхивает с себя землю, а сама уже цеплялась за рукав, просила дать мне одеться. Он толкнул к ограде. Женщина со стаканом воды шагнула ко мне, но её окликнул мужчина, и она остановилась. Я протянула руку, ждала, пока подойдёт, а вода выплёскивалась ей на пальцы, и она всё стояла.

За моей спиной заговорили о позоре. Я оглянулась на голос соседки, не веря, что это она, та самая, которая вчера меня целовала. Хотела подойти, объяснить, но заметила за оградой машину Исмаила. За стеклом мелькнуло мамино голубое платье. Я бросилась следом, позвала её. Рамиль поймал меня за руку. Я вырывалась, кричала, а машина уехала. Мама даже дверцу не открыла!

Меня ударило по ноге. Я согнулась, увидела камень у ступни, тронула красное пятно на икре. Кто-то засмеялся, выкрикнул «падшая», и это слово повторили у меня за спиной. Я подняла голову. Мужчина у клумбы уже выбирал другой камень, а остальные смотрели, будто ждали, что он сделает.

— Я только с тобой была, и ты это знаешь! — закричала я, бросаясь к мужу. Схватила за рубашку, прижалась к нему, будто он ещё мог меня защитить. — Скажи им! Рамиль, скажи, что ты соврал! Пожалуйста!

Он отцепил мои пальцы и отступил. Я всё ещё смотрела ему в лицо, когда в спину ударил камень. Меня качнуло, я налетела на мужчину, стоявшего за Рамилем. Тот оттолкнул меня двумя пальцами в плечо, и я едва удержалась на ногах. Покрывало съехало, пришлось ловить обеими руками. Я подняла голову, пытаюсь найти мамину машину, но за оградой шли прохожие. Все слышали мои крики. Мама тоже слышала.

Я прижала к себе покрывало, посмотрела на мужа. Он держал скомканную простыню. Я всё ещё звала его по имени, словно он мог не узнать меня. Рамиль повернулся к Хадижат, отдал ткань ей, велел унести. Я крикнула, чтобы подождала, но мужчина за моей спиной подтолкнул меня к калитке.

— Вы же вчера мне счастья желали! — выкрикнула я женщине у стола. Она отвернулась, схватила за руку девочку лет двенадцати, потащила под навес. Я видела её лицо, видела, как она прижимает к себе ребёнка, прячет от меня. — Что я вам сделала? Вы меня знаете! Я вам платье перешивала!

Калитку открыли. Я ухватила за створку, обернулась на дом. Хадижат задержалась у входа с белой простынёй. Мне хотелось попросить её вынести туфли. Только туфли, чтобы можно было уйти. Но муж стоял между нами, и я уже знала, что ответит. Мужчина за спиной выкрикнул что-то про бесстыжую девку и пихнул меня наружу. Я оказалась на тротуаре, вцепилась в покрывало. У самой ноги упал камень. Теперь бросали с улицы, кто-то из тех, кого привлёк шум за оградой.

Я побежала. Покрывало волочилось по земле, приходилось держать его обеими руками, и я боялась упасть. Сзади смеялись, хрустел щебень под ногами. Я свернула за припаркованную машину, оглянулась, увидела двух парней. Один снимал меня на телефон. Орал, чтобы повернулась, чтобы не стеснялась, ведь уже нечего терять. Я остановилась. Совершила ещё одну глупость, решила, что его можно попросить. Протянула руку, зашептала, чтобы убрал телефон, а он поднёс его ближе к моему лицу.

— Не снимай меня! — Я ударила по его руке. Телефон едва не выпал, парень выругался, схватил меня за край покрывала. Я закричала так, что он отдёргнул руку, рассмеялся. Наверное, решил, что и этого для его записи хватит. Я держалась за ткань, пятилась от него. — Удали. Пожалуйста, удали! У меня мама... Мама это увидит!

Сказала и чуть не села на землю. Мама уже всё видела. Стояла в той комнате, смотрела, как я ползаю перед мужем, лишь бы отдал одежду. Поехала домой с Исмаилом, пока я кричала ей вслед. Я прикрыла лицо, повернулась к парням спиной, побежала вдоль забора. Из переулка выскочили две дворняги. Одна вцепилась зубами в волочившийся край покрывала. Я дёрнула, собака зарычала, а я завизжала и потащила ткань на себя, готовая драться даже с собакой.

Я упала. Колени ударились о землю, в ладонь впилась мелкая щебёнка. Покрывало натянулось, я придавила его грудью, боялась, что стащит. Кто-то прикрикнул на собаку, она отпустила. Я встала, оглянулась, но парень с телефоном уже обходил машину. Забыла про боль, бросилась через дорогу. С другой стороны засигналили, пришлось отскочить назад, и на меня снова навели телефон. Я спряталась за столбом, переждала машину. Когда побежала дальше, собаки остались на перекрёстке, а человеческий смех ещё долго слышался за спиной.

До дома я добралась по нижней улице. Там меньше людей, можно прижаться к забору, пропустить машину. Я несколько раз пыталась завязать покрывало, но ткань выскальзывала из пальцев. Наконец стянула верхние углы узлом, сдвинула его в подмышку, чтобы хоть одна рука освободилась. Кровь на сбитой коленке подсохла, второе колено тоже горело. Мне хотелось вымыть руки, надеть свою футболку и сесть на кухне, в которой всё знакомо. Я представляла, как мама нальёт воды, как я буду пить и не смогу отнять стакан от губ. Про Исмаила старалась не думать. Он уедет кататься на подаренной машине, я спрячусь в своей комнате. Пусть считают меня кем угодно. Только бы добраться домой.

Машина стояла под навесом. Я остановилась перед калиткой, долго смотрела на неё. Отчим столько лет ворчал на соседей, которые покупали себе новые автомобили, а теперь у него самого такой, что сосед вышел бы посмотреть. Я провела ладонью по покрывалу, пытаясь стряхнуть землю, поправила волосы. Хотела выглядеть приличнее, прежде чем войти к маме. Убрала пряди за уши, потёрла щёку краем покрывала. Знала, что бесполезно, но никак не могла заставить себя постучать. Мама сердится, говорила я себе. Увидит меня, перестанет.

В доме разговаривали. Я узнала мамин голос и прижалась ухом к двери. Она плакала, просила Исмаила не кричать. Я отодвинулась, хотела уйти, но посмотрела на свои ноги и осталась. Без телефона, без денег, без одежды. Я не могла в таком виде добраться до ателье, а там хозяйка непременно помогла бы. Она знала меня с семнадцати лет. Нужна футболка, любые штаны, хотя бы мамины домашние. Я постучала и пообещала, что надолго не останусь.

— Мамочка, открой, — попросила я. Внутри замолчали. Я услышала шаги, прижалась лбом к двери, устав стоять. — Меня побили. Мам, у меня ноги в крови. Я помоюсь и уйду, только открой мне, пожалуйста.

Замок щёлкнул, дверь распахнулась. Я даже улыбнулась, приготовилась к маминому крику, к рукам, которыми она будет хватать меня, разглядывать, искать, где больно. Исмаил ударил прежде, чем я успела произнести слово. Меня швырнуло плечом об косяк, зубы клацнули. Я попыталась ухватиться за дверь, промахнулась, зацепила ногтем дерево. Мама закричала из коридора. Я позвала её, прикрывая лицо, потому что отчим уже занёс руку ещё раз.

— Проваливай! — рявкнул он. Мама вцепилась в его локоть, и я отступила с крыльца. Исмаил стряхнул её руку, показал на калитку. — Чего притащилась? Я тебе сказал, здесь для тебя дома больше нет!

Мама успела переобуться в домашние тапки, пока я бежала босиком. Я посмотрела на кардиган, висевший у неё на сгибе руки. Тот самый, за который я держалась в спальне Рамиля. Мама была уже дома. Переобулась, поставила чайник, я слышала, как он засвистел на кухне. У меня никак не укладывалось, что она могла пойти ставить воду, зная, где и в каком состоянии

оставила меня. Я вытерла рот краем покрывала, увидела красное пятнышко. Исмаил стоял в дверях, ждал, когда уйду.

— Мам, дай одежду, — сказала я. Голос получился хриплым, непохожим на мой. Я прокашлялась, проглотила слюну с привкусом крови. — Мне больше ничего не нужно. Я в ателье пойду. Штаны мои принеси, они в нижнем ящике. И футболку, любую. Мам, ты слышишь?

Она шагнула к моей комнате. Исмаил остановил, взял за плечо, развернул к себе. Я видела, как мама пытается объяснить, что девушке нельзя идти голой, как уговаривает его впустить меня хоть в ванную. Он продолжал смотреть на меня. На руке у него блестели подаренные Рамилем часы, на груди висели очки, которые я неделю назад отнесла в ремонт и заплатила своими деньгами. Я сделала шаг на крыльцо, перестала закрывать лицо.

— Машину вернёшь? — спросила я. Исмаил прищурился. Я ткнула рукой в сторону навеса, и покрывало потянулось вниз. Пришлось подхватить. — Меня выгнал, а его подарок оставишь? Тебе хорошо живётся? Не тебя обнажённым по улице гнали! Ты в новой машине домой приехал!

Он ринулся ко мне. Я отскочила, поскользнулась, села на нижнюю ступеньку. Мама пыталась выйти, в руках у неё было полотенце. Я протянула к ней ладонь. Хотела ухватить полотенце, закрыться им, хоть обтереть ноги. Исмаил вытолкнул её в коридор, полотенце упало у порога. Я потянулась, просунула руку в дверь. Отчим начал закрывать, пришлось выдернуть пальцы, чтобы не прищемил. Замок щёлкнул, когда я ещё стояла на коленях.

Я поднялась, ударила ладонью по дереву. Позвала маму. Исмаил кричал за дверью, но слова я уже не разбирала. Просила вынести мои вещи, повторяла, в каком ящике лежат штаны. Серые, старые, в которых мама иногда ходит по дому. Я подарю их ей, куплю другие, только сейчас пусть принесёт. Говорила ерунду, торговалась за собственную одежду, за право прикрыть тело. Стыдиться было некогда. По улице ходили люди, и каждый мог увидеть меня на этом крыльце. Те, кто ещё не видел.

Когда отчим замолчал, я постучала тише. Присела у двери, чтобы мама услышала, если тоже сидит в коридоре. Так мы разговаривали, когда Исмаил запирает меня в комнате за позднее возвращение. Мама подходила, подсовывала под дверь записки. Я рассказывала про работу, она обещала, что он успокоится, и уходила. Теперь я ждала с другой стороны. Прислушивалась к каждому шороху, убеждала себя, что мама уже идёт за вещами, что ждёт, когда он уйдёт из коридора.

— Через окно брось, — прошептала я. Поднялась, глянула на окно своей комнаты. Занавеска была сдвинута, я видела край шкафа. Ещё вчера там стояли мои туфли. — Мам, я подойду к окну. Он не узнает. Ты брось, я подберу. Даже обувь не надо, я дойду.

С той стороны всхлипнули. Я прижала к двери обе ладони, торопливо заговорила, что ничего страшного, что мне уже лучше. Врала ей, чтобы не плакала. У меня болело лицо, под покрывалом саднило плечо, а я успокаивала маму и обещала никому не говорить. Пусть даже не верит, что Рамиль меня оклеветал. Можно же помочь дочери, даже если она виновата. Я подумала об этом и устыдилась. Почему опять соглашаюсь быть виноватой, лишь бы она открыла?

— Уходи, Лейла, — сказала мама за дверью. Я приложила ухо, решила, что ослышалась. Мама повторила, уже шёпотом, словно боялась, что я закричу. — Пожалуйста, уходи. Он тебе не простит. Я ничего не могу...

Я ударила кулаком в дверь. Ещё раз, пока не заболели костяшки. Кричала, что ненавижу её, что лучше бы у меня вовсе матери не было. Сказала это и сама испугалась, замолчала. Ждала, что сейчас она распахнёт дверь, ударит меня за эти слова, за волосы втащит в дом. Пусть. Я даже отступила, чтобы дверь свободно открылась. За ней плакали. Мама осталась там, а я стояла на крыльце в покрывале и всё ещё ждала, что меня заберут.

В соседнем дворе открыли окно. Женщина выглянула, увидела меня, позвала кого-то из комнаты. Я отвернулась, стала стирать с лица слёзы, но руки были грязные. По щеке размазалась земля. Я нащупала обручальное кольцо, начала стягивать. Оно застряло. Пальцы опухли, кольцо больно врезалось в кожу. Я тянула, царапала кожу, злилась на эту дурацкую вещь больше, чем могла объяснить, и наконец сдалась. Прижала руку к себе и пошла со двора, оставив на двери следы грязных ладоней.

* * *

Рамиль поднялся в спальню, едва Лейлу вытолкнули за ограду. Снизу ещё доносились голоса. У калитки кто-то громко рассказывал опоздавшим, что случилось, и несколько гостей вышли на улицу. Рамиль подошёл к раскрытому окну, отодвинул колыхавшуюся штору. Лейла бежала вдоль ограды, подбирая покрывало. Один из парней догнал её, поднял телефон. Она обернулась, попыталась ударить по руке. Рамиль смотрел, пока они не скрылись за припаркованной машиной.

Хадижат принесла белую простыню. Держала на вытянутых руках, словно ждала, что он заберёт её. Рамиль велел положить на стул. Женщина подчинилась, нагнулась за футболкой Лейлы, сложила, убрала в сумку. На кресле лежала ночная рубашка, свадебное платье сползло на пол. Хадижат подняла его, повесила на спинку. Обходила Рамиля молча, прижимаясь к мебели. Он остался у окна. С улицы донёсся собачий лай.

Она открыла шкаф, выдвинула бельевую корзину. Приподняла сдвинутое полотенце и замерла. Рамиль услышал, как Хадижат позвала его, обернулся. Женщина держала другую простыню. Развернула, посмотрела на пятна, на чистую ткань, оставленную на стуле. За окном вскрикнула Лейла. Хадижат вздрогнула, уронила один край, поспешно подхватила. Рамиль отошёл от окна, остановился перед ней.

— Господин, ты сказал, она была нечиста, — произнесла Хадижат. Голос дрогнул, пришлось начать ещё раз. Она показала на пятно, протянула ткань ближе. — Но вот кровь. Здесь кровь... Ты же другую простынь людям показал!

Рамиль взял простыню, сложил пятнами внутрь. Хадижат ждала, смотрела ему в лицо. Он вернул ей бельё, указал на дверь. Женщина прижала свёрток к себе, но с места не двинулась. Снаружи опять залаяли собаки. Она оглянулась на окно, шагнула к нему, и Рамиль загородил дорогу. Хадижат остановилась. Пальцы впились в смятую ткань.

— Спрячь, выбрось, постирай. Мне плевать, — велел он. Женщина приоткрыла рот, и Рамиль взял её за локоть, подвёл к двери. — Никому об этом не говори!

Хадижат осталась стоять перед дверью. Рамиль повернул ручку, и она вышла, придерживая свёрток обеими руками. Рамиль проводил её до поворота коридора, вернулся в спальню. На полу лежала пуговица от его рубашки. Он поднял её, покрутил в пальцах, сунул в карман и достал свой телефон. Лейла уже скрылась за припаркованными машинами. Рамиль набрал водителя и подождал ответа, не отходя от окна.

— Поезжай за Лейлой, — приказал он. Его человек переспросил, куда её отвезти. Рамиль смотрел в сторону перекрёстка. С улицы донёсся автомобильный гудок, и он повысил голос. — Никуда. Пусть идёт. Смотри, к кому обратится. Если соберётся уехать из города, звони мне до того, как она сядет в машину.

Хадижат вернулась из постирочной с пустыми руками. Рамиль закончил разговор. На верхней полке шкафа завибрировал телефон Лейлы, и женщина подняла голову, потянулась достать. Рамиль опередил её. Звонила мама. Он дал звонку стихнуть, выключил телефон и убрал к себе в карман. Хадижат открыла рот, но Рамиль уже шёл к двери. Женщина отступила, пропуская его.

Глава 3

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.